

Эпоха Киевской Руси в оценках чешского историка Михала Теры

Těra M. Kyjevská Rus: dějiny, kultura, společnost. — Červený Kostelec: Pavel Mervart, 2019. — 721 s.

Шевченко Кирилл Владимирович
Доктор исторических наук, профессор
Филиал Российского государственного социального университета
в г. Минске
220107, Народная 21, Минск, Республика Беларусь
E-mail: shevchenkok@hotmail.com
ORCID: 0000-0002-9702-9883

Цитирование

Шевченко К. В. Эпоха Киевской Руси в оценках чешского историка Михала Теры // Славянский альманах. 2022. № 1–2. С. 434–446.
DOI: 10.31168/2073-5731.2022.1-2.5.02

Рецензия поступила в редакцию 07.02.2022.

Аннотация

Изданная в 2019 г. фундаментальная монография чешского историка М. Теры, имеющая синтетический и обобщающий характер, посвящена наиболее важным сюжетам истории и культуры Киевской Руси. Чешский исследователь, опираясь на колоссальную источниковую базу и обширную историографию, прослеживает сложный процесс этногенеза восточных славян, особенности складывания у них государства и его последующую эволюцию, отмечая ключевую роль князя Владимира в становлении границ и в формировании полноценного государственного организма Киевской Руси, а также в христианизации древнерусских земель. Большое внимание автор уделяет анализу княжения Ярослава Мудрого и различным аспектам культурного развития Древней Руси. Отдельная обширная глава посвящена христианизации Киевской Руси и последующей роли церкви в развитии древнерусского государства, общества и культуры. Чешский историк неоднократно подчеркивает культурное единство древнерусского народа и единую идентичность

восточнославянского населения Киевской Руси, катализатором формирования которой стало принятие христианства. По мнению М. Теры, осознание своего единства населением древнерусских земель намного пережило период существования политически единого Древнерусского государства.

Ключевые слова

Киевская Русь, история, культура, церковь, общерусское единство, межславянские связи.

Эпоха Киевской Руси и связанные с ней вопросы возникновения и эволюции древнерусской государственности и культуры приобрели дополнительную остроту после распада СССР в современных восточнославянских странах. Современные интерпретации богатейшего исторического и культурного наследия Древней Руси стали существенным элементом и одновременно инструментом политики исторической памяти, которую энергично проводят элиты постсоветских стран.

Повышенный интерес к древнерусской эпохе демонстрирует сейчас и чешская историография. Подтверждением этому является изданная в 2019 г. фундаментальная монография чешского историка Михала Теры «Киевская Русь: история, культура, общество», имеющая ярко выраженный обзорный характер. Данный колоссальный по объему труд, насчитывающий более 700 страниц текста, подготовлен на обширной источниковой базе с учетом впечатляющей по своему тематическому и хронологическому охвату историографии, включая как классические труды признанных авторитетов, так и самые последние работы. Для политизированной и в известной степени дезориентированной постсоветской аудитории труд чешского историка представляет большую ценность своим сбалансированным и достаточно объективным взглядом на ряд чувствительных вопросов древнерусской истории, не обремененным вездесущей политической конъюнктурой, столь успешно превратившей трепетную музу истории Клио в активного бойца идеологического фронта.

Для чешской исторической науки монография М. Теры имеет колоссальное значение как первый в чешской историографии фундаментальный труд обзорного характера по истории и культуре Древней Руси. Вплоть до настоящего времени чешская историография Киевской Руси безнадежно проигрывала польской, ограничиваясь лишь несколькими статьями по данной тематике либо главами в обзорных

трудах по истории России или Украины. Непосредственно Древней Руси в чешской историографии были посвящены лишь две давно устаревшие работы: «История восточных славян» Й. Мацурка, изданная в далеком 1947 г.¹, и чешский перевод книги советского историка академика Б. Д. Грекова «Киевская Русь», который был издан в Праге в столь же далеком 1953 г.²

Первые главы монографии А. Теры полностью посвящены сложным вопросам этногенеза славян, их отношений с соседними народами и последующего расселения славянских племен в Центральной и Восточной Европе и на Балканах. В полной мере учитывая богатую историографическую традицию и уверенно ориентируясь в обильном археологическом материале, автор подходит к рассмотрению данного вопроса в широком конкретно-историческом контексте и с должной осторожностью. При этом, однако, чешский историк не отказал себе в удовольствии выступить с совершенно обоснованной критикой модных сейчас постмодернистских теорий славянского этногенеза, включая экзотическую теорию румынско-американского исследователя Ф. Курты, который на полном серьезе утверждает, что «славяне, по сути, являются конструктом восточноримских историков VI века» (s. 59). Как полагает М. Тера, с полным основанием можно задать вопрос о том, «не являются ли новые подходы, ставящие под сомнение традиционные взгляды, скорее продуктом модного сейчас релятивизма и постмодернизма, нежели результатом действительно научного мышления» (s. 60).

Затрагивая крайне запутанный и по-прежнему чувствительный вопрос о возникновении древнерусской государственности, М. Тера склонен согласиться с мнением ученых, полагающих, что за летописным Рюриком из «Повести временных лет» может скрываться реальный исторический персонаж в лице Рорика Ютландского, который во второй половине IX в. занимался военной и административной деятельностью в Восточнофранкской империи. Поскольку с 873 по 882 г. Рорик совершенно исчезает из поля зрения западноевропейских источников, чешский исследователь высказывает предположение, что именно в этот период времени он мог отправиться на восток и заняться делами местных славян и финно-угров (s. 165).

Большое внимание автор уделяет взглядам представителей норманнской и антинорманнской историографических традиций, стремясь сгладить конфронтационные углы, сделав акцент на их научных

1 *Macůrek J. Dějiny východních Slovanů. Praha, 1947.*

2 *Grekov B. Kyjevská Rus. Praha, 1953.*

заслугах и достижениях. По словам чешского историка, «норманисты подробно исследовали, в том числе с помощью археологии, влияние норманнов на возникновение государственной организации на Руси. Антинорманисты подчеркивали и вывели на научную сцену процессы, имевшие место внутри славянских общин, а также отметили важность связей восточных славян с балтийскими славянами» (s. 132). Что касается до сих пор дискуссионного вопроса о характере и происхождении летописной «Руси», то чешский исследователь склонен согласиться с теми учеными, которые «связывают руссов и их “кагана” с северянами, занявшими восточное побережье Балтики» (s. 142). Представляется, что в этом вопросе автор монографии мог бы уделить больше внимания взглядам представителей альтернативной исследовательской традиции, которые стремились доказать южное происхождение «Руси» в контексте старых традиционных контактов праславянских племен Восточной Европы с кочевым ираноязычным населением Северного Причерноморья. В этом отношении представляют интерес работы одного из видных представителей советской историографии академика Б. А. Рыбакова, а также современного белорусского историка и археолога профессора Э. М. Загорюльского, который в своих последних работах предложил собственную оригинальную концепцию как происхождения «Руси», так и процесса восточнославянской колонизации Восточной Европы и взаимных контактов славянских племен с автохтонным балтским и финно-угорским населением нынешней территории Беларуси и северо-западной России³.

Несколько глав монографии детально и в широком международном контексте анализируют основные вехи развития древнерусской государственности и христианизацию при князе Владимире, консолидацию Киевской Руси при Ярославе Мудром и последующую дезинтеграцию древнерусского государства во второй половине XII в. Принципиально важный рубеж в государственной эволюции Киевской Руси автор усматривает в смерти князя Святослава, которая, по мнению М. Теры, «завершает период военных походов и поиски добычи и земель. Поколение потомков Святослава уже полностью вросло в восточнославянское окружение, уже не ищет новые земли и добычу, но посвящает себя «строительству государства». Скандинавский характер выходцев из Северной Европы исчезает, они растворяются в славянском окружении» (s. 212).

3 См.: *Загорюльский Э. М.* Белая Русь с середины I тысячелетия до середины XIII века. Минск, 2014. С. 76–85.

Особенно пристальное внимание автор обоснованно уделяет княжению Владимира, предваряя этот сюжет детальным анализом конфликта между сыновьями Святослава. Чешский исследователь высказывает любопытное мнение о том, что составной частью внутривосточного конфликта на Руси между потомками Святослава являлся союз Владимира с чешским князем Болеславом II; при этом русская летопись подтверждает, что первой супругой Владимира была «чешка», от которой у него родился самый старший сын Вышеслав. По осторожному мнению М. Теры, в борьбе против своего старшего брата Ярополка, имевшего связи с германскими Оттонами, Владимир мог воспользоваться союзом с чешским князем Болеславом II (с. 218).

В целом великого князя киевского Владимира, который провел масштабную административную реформу, реорганизовав Киевскую Русь, усилил централизацию государства и сумел объединить под властью Киева почти все восточнославянские племена, автор обоснованно считает «истинным творцом древнерусского государства» (с. 222). По словам чешского историка, система реформ князя Владимира «положила основы древнерусского государства. Сообщество русов превратилось в государственную структуру с собственной организацией и определенной территорией» (с. 224). Автор обращает внимание и на то обстоятельство, что для строительства укреплений против кочевников-печенегов и для заселения пограничных южных регионов Древней Руси Владимир активно привлекал славянское и финно-угорское население с севера. Летопись свидетельствует о том, что «в колонизации степных областей участвовали представители кривичей, словен, вятичей и финно-угров. Этнические перемещения способствовали смешению населения, укреплению единства государства» (с. 227).

Данные интеграционные инициативы князя Владимира сыграли исключительно важную роль в формировании единого древнерусского народа и единой идентичности восточнославянского населения Киевской Руси. Оправданно большое внимание уделено в монографии консолидации Древнерусского государства в эпоху правления сына Владимира князя Ярослава Мудрого, когда Киевская Русь достигла своего расцвета, а также последующей эволюции древнерусских земель вплоть до монголо-татарского нашествия в XIII в.

* * *

Отдельная обширная глава в монографии М. Теры посвящена церкви и христианству в Древней Руси. «Принятие христианства в конце X в. принципиальным образом преобразовало восточнославян-

ское пространство, предопределив дальнейшее направление развития древнерусского государства, — констатирует чешский историк. — Именно в эпоху Киевской Руси сформировался тот тип древнерусской церкви и восточнославянского христианства, которые длительное время являлись главными факторами, сохранявшими единство восточнославянского пространства. Именно восточный тип христианства сыграл решающую роль в становлении культуры восточных славян. [...] Без всякого преувеличения можно сказать, что без христианства не было бы современных восточнославянских народов, поскольку речь идет о главном источнике и твердом фундаменте их культурной идентичности» (с. 541).

Первоначально опорными пунктами распространения христианства стали церковные структуры, созданные при поддержке княжеской власти. Первыми представителями духовенства на Руси были миссионеры из Византии. Летопись упоминает, что Владимир привез с собой из крымского Херсонеса не только первую церковную утварь, но и священников для первых храмов на Руси. Чешский историк обращает внимание на то, что, судя по всему, в миссии на Русь участвовало и большое число духовенства с Балкан, прежде всего из Болгарии; количество болгар на Руси возросло после завоевания Болгарского царства византийцами в 1014–1018 гг. По словам М. Тера, быстрое распространение славянской образованности, славянской литургии и церковных текстов явно болгарского происхождения свидетельствует о «решающем влиянии данной среды на рождавшуюся древнерусскую церковь» (с. 543).

С точки зрения юрисдикции русская церковь подчинялась константинопольскому патриарху; именно из Византии на Русь, как подчеркивает М. Тера, посылались самые главные церковные иерархи в период всего существования Киевской Руси. Вместе с тем стремление киевских князей подчеркнуть свою независимость от Византии находило свое выражение и в церковной сфере. Наиболее ярким примером этого, полагает чешский исследователь, является сообщение летописи о том, что в 1048 г. Ярослав собрал в киевском храме Святой Софии епископов, которые избрали митрополитом славянского монаха и священника Иллариона. «Данный акт, — считает М. Тера, — свидетельствовал о стремлении князя добиться самостоятельности от константинопольского патриарха и сделать так, чтобы во главе самой важной церковной функции был человек славянского происхождения. Это могло быть результатом конфликта между Русью и Византией в 1043 г.» (с. 545).

В качестве дополнительного объяснения избрания Иллариона М. Тера приводит мнение польского историка А. Поппе, связывав-

шего избрание Иллариона с деятельностью монахов константинопольского Студитского монастыря, которые активно участвовали в формировании церковных структур на Руси и имели тесные контакты с южными славянами, прежде всего с болгарами (s. 545). Однако константинопольский патриарх Михаил Керулларий не утвердил не назначенного им митрополита, и в результате Илларион должен был уйти. В дальнейшем вплоть до монгольского нашествия митрополичью кафедру в Киеве занимали греки (s. 546). Впрочем, для самих русских князей, как замечает М. Тера, было предпочтительнее иметь в качестве митрополитов именно греков — в силу их знакомства с константинопольской средой и часто их высокого статуса, так как некоторые из них имели высокие придворные звания (s. 546). При этом тесная связь греческого духовенства и иерархов с Византией нередко представляла для русской церкви ряд проблем. Посланные на Русь греки часто «были не в восторге от окружавшей их “варварской среды”, поэтому некоторые из них имели тенденцию уйти. Назначение митрополита могло длиться долго, и поэтому митрополичья кафедра длительное время оставалась вакантной» (s. 547).

Нашествие монголо-татар означало тяжелый удар не только по политической, но и по церковной жизни на Руси. Главным архитектором церковной политики на Руси в это время был митрополит Кирилл, который стремился обновить деятельность церкви и сохранить ее единство в условиях монгольского ига, сумев получить от монголов ярлыки, подтверждающие привилегии церкви. Преемник Кирилла митрополит Максим «сделал первый шаг к разделению ранее единой древнерусской церкви. Он покидает Киев и переезжает туда, где получает наибольшую защиту со стороны светской власти, — во Владимир-на-Клязьме. Его преемник Петр в конечном счете в 1325 г. переедет в Москву. В это же время, на рубеже XIII и XIV вв., на западе Руси возникнут две другие митрополии — Галицкая и Литовская... Наконец, в результате экспансии Литвы в западнорусские области возникнет Киевско-литовская митрополия... В любом случае, — обоснованно полагает чешский исследователь, — мы можем констатировать, что монгольское завоевание разделило Русь не только в политическом, но и в церковном отношении. Униатские потуги в XVI–XVIII вв. в Западной Руси это разделение окончательно подтвердили» (s. 549). Таким образом, чешский исследователь проводит любопытную параллель между монгольским завоеванием, положившим начало разделению ранее единой русской церкви, и более поздними униатскими проектами, направленными на усиление церковной раздробленности в русских землях.

Важным следствием христианизации Руси было колоссальное церковное влияние на древнерусское право. По словам М. Теры, посредством церкви на Русь проникает византийское право, в котором «христианская этика переплетается с государственным правом и административными нормами. На Русь попадает византийский Номоканон в болгарской редакции, известный как так называемая Кормчая книга» (s. 558). При этом «жестокое византийские наказания на Руси приобретают более мягкий вид и превращаются в штрафы или покаяния. Судя по всему, греческие иерархи смирились как с этой практикой, так и с материальной зависимостью церкви от княжеской власти... Византийское светское и церковное право было принято как идеальная культурная модель в церковнославянской версии, но это был именно идеал, который в реальной жизни не соблюдался» (s. 560).

Чешский исследователь полагает, что с самого начала отличительной чертой церкви в Древней Руси стала «формальная строгость христианской жизни... Скорее всего это связано с тем, что на Руси получила распространение скорее монашеская этика. То, что в Византии или в Западной Европе было связано с жизнью духовенства, то на Руси применялось ко всему населению, поэтому миряне иногда вели себя так, как представители монашеских общин» (s. 563). Отмечает автор и строгость постов на Руси, особенно Великого поста, подчеркивая, что в других христианских странах подобная строгость была характерна для монастырской жизни, но не для мирян (s. 565). Еще одной важной чертой древнерусской церкви автор считает быстрое распространение на Руси монастырей, начавшееся сразу же после принятия христианства. «Монастыри в Киеве стали возникать уже в первой половине XI в. как центры распространения христианства», — констатирует чешский историк (s. 571). При этом древнерусские монастыри изначально являлись не только духовными центрами, но и важными центрами культуры и образовательной деятельности (s. 572). Исключительно важным культурным наследием церкви в Древней Руси было то, что именно здесь «были положены основы восточнославянской иконописи, которая в последующих столетиях развилась до небывалой широты и духовной глубины, став одним из главных проявлений местной духовности» (s. 578).

Нахождение в цивилизационных орбитах западного и восточного христианства постепенно порождало различия у оказавшихся в них славянских народов. По мнению чешского историка, славяне, принявшие латинское христианство, сумели воспринять античное наследие, тогда как славянские народы, сохранившие церковнославянскую тра-

дицию, отрицали либо игнорировали античное наследие, поскольку оно не являлось для них важным (s. 587). В любом случае, однако, «взаимные контакты между центрами славянской образованности в Чехии, Венгрии, Хорватии, Болгарии и на Руси создавали специфическое пространство под названием *Slavia Cyrilomethodiana*, значение которого для развития культур молодых славянских народов трудно переоценить... Данное пространство было свободно от конфессиональных разделений, и великий раскол в нем длительное время не был заметен... В более позднюю эпоху контакты между православными и католическими землями славянского мира замерли, однако они продолжились в рамках православной славянской общности. Таким образом, взаимные связи между славянскими народами не являются изобретением XIX в., поскольку они имели место на протяжении всей славянской истории» (s. 590).

Серьезное внимание уделил автор и взаимоотношениям православной Руси с католическим Западом. В частности, М. Тера обращает внимание на то, что мысль о вовлечении Руси в сферу католицизма появляется среди высшего польского духовенства уже в XII в.; показательной фигурой в этом отношении был основатель цистерцианского монастыря Св. Андрея Ян Грифита, ставший в 1143 г. вратиславским епископом и в 1149 г. архиепископом в Гнезно. Именно Грифит с самого начала своей деятельности являлся убежденным сторонником обращения Руси в католицизм и активно работал в этом направлении (s. 593).

Настоящий перелом в отношениях между католичеством и православием, по мнению чешского исследователя, наступил в XIII в., когда православный мир испытал колоссальное потрясение после захвата Константинополя крестоносцами в 1204 г. и последующего дробления православной церкви, вызванного стремлением Рима навязать католичество восточной церкви (s. 593). В течение XIII в. отношения между католической и православной частями Европы резко обостряются; при этом, как обоснованно отмечает чешский историк, инициатива конфронтации постоянно исходила со стороны Запада. По его словам, «конфессиональные различия становятся оружием в руках католических государств для удовлетворения их политических амбиций. Православие вытесняется с горизонта “цивилизованного мира”, “схизматики” выдавливаются в ту же ментальную плоскость, что и еретики, язычники, мусульмане и евреи. Неудивительно, что на подобный подход православные начинают отвечать, что ведет к росту конфессиональных барьеров между двумя ветвями христианства» (s. 593). Примечательно, что подобное мнение высказывает и известный польский историк церк-

ви А. Миронович, по словам которого, «Рим использовал тяжелое положение, в каком очутился цареградский патриархат, для подчинения православной церкви своей власти. Такую же политику папа римский проводил и в следующих столетиях... По мнению папства, православные могли лишь присоединиться к латинскому костелу, приняв его символ веры и признав примат папы римского»⁴.

Особенно непримиримое и ярко выраженное высокомерно-презрительное отношение к православной церкви демонстрировали представители польской католической церкви и политической элиты. Так, крупный польский политический деятель первой половины XIX в. князь А. Чарторыйский, личный друг императора Александра I, сделавший фантастически успешную карьеру в Российской империи, отзывался о православной церкви крайне уничижительно. По его словам, «богослужение греческой церкви, по внешности, торжественнее нашего и напоминает языческий культ... Напрасно будете искать там протестантской простоты и наставительности или католической набожности... Вся разгадка в том, что последние суть продукт цивилизации, между тем как греческий культ носит печать азиатского варварства... В нас гораздо более, чем в русских, веры и набожности»⁵. Именно в контексте системного натиска на православие со стороны западной церкви рассматривает автор и последующие униатские проекты, инициированные Римом. По мнению чешского историка, «в восточнославянском пространстве данный процесс достигает своего пика заключением уний в XVI–XVIII вв. и гордой культурной изоляцией московского государства. Однако нельзя забывать, что это не был тот путь, который православный мир сам первоначально выбрал, — скорее, к этому он был принужден. Чувство исключительности русской церкви, которое укрепилось в период, когда Московская Русь осталась единственным независимым православным государством, не является по этой причине исключительно русской чертой. Это итог процессов, в начале которых православные славяне оказались скорее пассивным объектом истории, нежели ее активными творцами» (с. 593).

Активные попытки включить русские княжества в орбиту католической церкви имели место еще до монголо-татарского нашествия. В 1220-е гг. орден доминиканцев, распространив свое влияние

4 *Миронович А. В.* Брестская церковная уния как элемент восточной политики Рима // Светост и дух времени / приредило З. Милошевић. Београд, 2021. С. 196.

5 *Корнилов И. П.* Князь Адам Чарторыйский. М., 1896. С. 13–14.

на Чехию и Польшу, начал отсюда свою миссию на Русь. Легенда о Св. Яцеке (Гиацинте) сообщает, что данный миссионер Ордена доминиканцев прибыл в Киев в 1222 г. и находился здесь около 5 лет (s. 593–594). В 1225 г. возникло польское подразделение доминиканцев, которое сконцентрировало свою миссионерскую деятельность на земли пруссов и на Русь. «Это свидетельствует об изменении взгляда католиков, включая славянских католиков, на православных, — констатирует М. Тера. — Миссия направляется к ним точно так же, как к язычникам; то есть уже нет попыток найти путь к согласию внутри разделенной церкви; “схизматики” ради своего спасения должны изменить свою веру и принять католичество» (s. 594).

Все эти попытки, однако, закончились фиаско; православие сохранило доминирующие позиции и стало, по словам чешского историка, определяющим идентификационным элементом в культуре и менталитете местного населения (s. 594). Завершая свои мысли о роли церкви в истории Древней Руси, чешский исследователь справедливо констатирует: «Восточнославянский язык и православное христианство — краеугольные камни восточнославянской культуры. Униатские проекты XVI–XVII вв. ничего в этом отношении не изменили. Мышление, культура, литература, язык и менталитет местных народов вплоть до настоящего времени определяются теми процессами, которые происходили в Киевской Руси в XI–XIII вв.» (s. 594).

* * *

«Кому же принадлежит Киевская Русь?» — задает в конце своего труда вопрос автор, сравнивая возникновение Древней Руси с чудом с картины Рериха. По словам чешского историка, «на широких пространствах Восточной Европы от черноморских степей до холодных финских озер... многочисленные племена на столь обширной и разнообразной территории объединились в одно целое, с одной культурой, одной верой и одним именем — Русь» (s. 631). Автор подчеркивает в заключении, что политическая раздробленность на фактически самостоятельные государства «не нарушила единства древнерусского пространства. Хотя в политическом отношении отдельные княжества шли своим путем, единая династия, единая традиция, единая церковь, единый литургический и литературный язык сохраняли и развивали сознание единой Руси» (s. 635). М. Тера полагает, что возможность повторной интеграции древнерусских земель длительное время оставалась, но была нарушена двумя ключевыми факторами — монгольским нашествием и последующим образованием Золотой Орды и успешной экспансией Литвы в XIII в.

Эти очевидные для серьезного исследователя факторы единства Киевской Руси и богатое древнерусское культурное наследие в настоящее время стали объектом ревизии и переоценки со стороны политически ангажированных историографий современных восточнославянских государств. Четко выраженные в монографии взгляды чешского ученого имеют колоссальное значение на постсоветском пространстве, где ряд историков стремится реинтерпретировать историю Древней Руси в угоду текущим интересам политических элит, часто вступая в явное противоречие с исторической наукой и академической традицией. С этой точки зрения знакомство с фундаментальным трудом М. Теры было бы полезно для историков и широкой общественности в России, Белоруссии и особенно на Украине.

Источники и литература

Загорульский Э. М. Бела Русь с середины I тысячелетия до середины XIII века. Минск: Четыре четверти, 2014. 529 с.

Корнилов И. П. Князь Адам Чарторыйский. М.: Университетская типография, 1896. 144 с.

Миронович А. В. Брестская церковная уния как элемент восточной политики Рима // *Светост и дух времена / приредило З. Милошевић.* Београд: Институт за политичке студије, 2021. С. 195–204.

Grekov B. *Kyjevská Rus.* Praha: ČSAV, 1953. 580 s.

Macůrek J. *Dějiny východních Slovanů.* Praha: Melantrich, 1947. 284 s.

Téra M. *Kyjevská Rus: dějiny, kultura, společnost.* Červený Kostelec: Pavel Mervart, 2019. 721 s.

References

Grekov, B. *Kyjevská Rus.* Praha: ČSAV, 1953, 580 p.

Macůrek, J. *Dějiny východních Slovanů.* Praha: Melantrich, 1947, 284 p.

Mironovich, A. V. "Brestskaia tserkovnaia uniaa kak èlement vostočnoj politiki Rima." *Svetost i dukh vremena*, ed. by Z. Milošević. Belgrade: Institute for Political Studies, 2021, pp. 195–204.

Téra, M. *Kyjevská Rus: dějiny, kultura, společnost.* Červený Kostelec: Pavel Mervart, 2019, 721 p.

Zagorulskii, E. M. *Belaia Rus' s serediny I tysiacheletia do serediny XIII veka.* Minsk: Publishing house "Four quarters", 2014, 529 p.

**The era of Kievan Rus' in the assessments
of the Czech historian Michal Tera**

Kirill V. Shevchenko

Doctor of History, professor

Russian State Social University (Minsk Branch)

220107, Narodnaya 21, Minsk, Belarus

E-mail: shevchenkoc@hotmai.com

ORCID: 0000-0002-9702-9883

Citation

Shevchenko K. V. The era of Kievan Rus' in the assessments of the Czech historian Michal Tera // *Slavic Almanac*. 2022. No 1–2. P. 434–446 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2022.1-2.5.02

Received: 07.02.2022.

Abstract

The fundamental monograph written by the Czech historian Michal Tera and published in 2019, is a synthesis of the most important aspects of history and culture of Kievan Rus'. The Czech researcher, relying on impressive source base and extensive historiography, traces the complex process of the ethnogenesis of the Eastern Slavs, the peculiarities in the formation of their state and its subsequent evolution. He notes the key role of Prince Vladimir in the formation of borders and of the full-fledged state organism of Kievan Rus', as well as in the Christianization of the Old Russian lands. The author pays much attention to the analysis of the reign of Yaroslav the Wise and various aspects of the cultural development of Old Rus'. A separate extensive chapter is devoted to the Christianization of Kievan Rus' and the subsequent role of the church in the development of the state, society and culture. The Czech historian repeatedly emphasizes the cultural unity of the people of Old Rus' and the common identity of the East Slavic population of Kievan Rus', the catalyst for the formation of which was the adoption of Christianity. According to M. Tera, the awareness of their unity by the population of the lands of Old Rus' far outlived the period of existence of the politically unified state.

Keywords

Kievan Rus', History, Culture, Church, All-Russian unity, inter-Slavic relations.